

Это он сам потребовал, чтобы Сюй Сяочжэнь встал на колени. Но теперь, глядя, как тот опускается в лужу без колебаний, без единого звука, — Чэнь Исунь не чувствовал ни удовлетворения, ни власти. Даже черты его лица в дождливом мареве будто бы исказились, словно не он был инициатором этой сцены.

Он отдал приказ — ему притащили кресло. Над ним раскинули зонт. Он сел прямо под дождём, как зритель, которому положено наслаждаться зрелищем.

Сюй Сяочжэнь был высоким — не меньше метра семидесяти восьми. Видимо, поэтому так долго все принимали его за бету.

Но телосложение у него было слишком хрупкое — настолько, что рубашка прилипла к телу, подчёркивая болезненную худобу. Узкая талия, дрожащая от холода, вызывала скорее жалость, чем что-то другое. Он казался вот-вот готовым рухнуть.

Вода стекала с острого, почти прозрачного подбородка, капала вниз, разбиваясь о камень. Губы посинели. Длинные ресницы держали на себе капли, как хрусталь, дрожащий в ветру. А сам он — стоял на коленях до боли прямой, как будто этой позой надеялся вымолить милость.

И чем отчаяннее он выглядел, чем сильнее дрожал в этой грозе, тем больше сердце Чэня ликовало. У него захватывало дыхание. Даже забинтованная рана на лбу начала сочиться кровью от возбуждения.

Он поднялся, подошёл, схватил Сюя за подбородок и заставил его поднять голову.

Дождь, слипшийся на ресницах, попал Сюю в глаза, и он не мог их раскрыть. Капли стекали по щекам, сливаясь со слезами.

Чэнь Исунь будто обезумел от этого зрелища. Он крепче сжал пальцы, оставляя красные полосы на коже:

— Ради Чжоу Яня ты готов на всё?

Сюй судорожно кивнул. Его подбородок всё ещё был в плену, губы тряслись, как у замёрзшего ребёнка. Жалкий. Беспомощный.

Чэнь усмехнулся, губы едва дрогнули. Повернулся и кивнул:

— Идём.

Он повёл его внутрь.

Гостиная была размером с футбольное поле. И в самом центре под потолком висело что-то... человек.

Сюй поднял взгляд — и сердце упало. Это был тот самый слуга, который передавал его просьбу.

Тело висело, избитое до неузнаваемости. Кровь, густая и тёмная, собиралась в лужу под ним.

Чэнь Исунь развалился на кожаном диване, лениво перелистывая какую-то тетрадь или альбом. Потом кинул его в сторону Сюя:

— Я никогда никого не отчисляю. Мне это неинтересно. Те, кто меня злит, — я их сдираю заживо, вывешиваю на всеобщее обозрение. Разве не красиво?

Сюй не посмел даже дотронуться до альбома.

На открывшихся страницах были фотографии. Ужасные. Смерть в деталях. Кровь, тела, лица, искажённые мукой.

Ему стало дурно. Вкус железа подступил к горлу.

Он вдруг увидел — в этих же цепях висит не слуга, а Чжоу Янь.

Он едва собрал голос:

— Мы же... одноклассники.

Чэнь спокойно, почти добродушно ответил:

— И что? Разве это что-то меняет?

Он прищурился, снова назвав его по имени:

— Я вообще-то всегда с тобой был мягок, Сюй Сяочжэнь.

Услышав, как он выговаривает его имя, Сюй вздрогнул всем телом. Лицо побелело, затем начало синеть от страха.

Чэнь Исунь наконец выглядел довольным. Настроение у него улучшилось. Он откинулся на спинку дивана, словно только начал наслаждаться вечером.

Вокруг Чжоу Яня всегда кто-то незримо стоял на страже. Никто не знал точно, из какой он семьи, но все были уверены: стоит хоть пальцем его тронуть — и семья Чэнь исчезнет с карты Империи.

Только Чэнь Исунь... он был ненормальный. И потому не боялся.

А Сюй Сяочжэнь? Он ничего не знает и знать не должен. Он просто пешка. Но пугать его — уже приятно.

— Оставь его... отпусти... пожалуйста... — голос Сюя дрожал. Он не смотрел в глаза, не поднимал головы. Белые тонкие пальцы бессильно тянулись к пуговицам на рубашке.

Пробовал расстегнуть. Снова. Ещё раз. Пальцы подрагивали так сильно, что только с третьей попытки он сумел расстегнуть первую.

Чэнь Исунь развалился в кресле, ноги небрежно скрестил, подбородок опёр на согнутую руку. Смотрел, не моргая, как Сюй стоит на коленях перед ним и пуговицу за пуговицей снимает с себя рубашку.

Дышал он медленно. Но с трудом.

— Вы чего тут все столпились?! — вдруг рявкнул он, со всей силы швырнув в стену фарфоровую чашку. Она разлетелась в осколки, звон резанул воздух.

Слуги молча опустили головы и исчезли один за другим. Они давно привыкли к хозяину с больной психикой.

Тонкая кожа Сюя была влажной от дождя и пота. В тусклом освещении кожа сияла почти неестественным светом, но там же — синяки, следы зубов, пятна от чужих поцелуев. Всё это вызывало у Чэня раздражение, пульс бил в висках.

Он нащупал рядом со спинкой дивана кнут. Тот был ещё влажным, с каплями чужой крови.

Чэнь Исунь смотрел на него пару секунд, но вернул на место. Поманил пальцем:

— Иди сюда.

Сюй с заплаканными глазами подполз к нему на коленях.

Рубашка уже валялась на полу. Он был до пояса голым, сжавшийся, дрожащий. Плечи ходили ходуном, дыхание рвалось из горла. Он боролся с паникой изо всех сил.

— Прощу тебя... — голос был едва слышным. Ногти впивались в ладони, боль помогала не потерять остатки контроля. Он не должен сбежать, он сам сюда пришёл.

Он ошибся. Он всё понял.

Не надо было связываться с Чэнь Исунем. Никогда.

Чэнь медленно, с ленцой скользил взглядом по его телу.

В его глазах не было ни страсти, ни желания — только собственничество. Болезненное, тяжёлое. Как будто он осматривал не человека, а территорию. То, что должно принадлежать ему, и никому больше.

Наконец он потянулся, провёл ладонью по влажной шее Сюя и притянул его ближе.

— Всё это... ради Чжоу Яня?

Сюй чуть кивнул, не в силах солгать.

Его тело застыло, как деревянное, совершенно не слушаясь, разум — пуст, как выжженное поле. Он позволил ему поднять себя, словно был тряпичной куклой в чужих руках.

Снова раздался насмешливый смешок Чэнь Исуня:

— Ты такой дурак... Он терпеть тебя не может, ты его до смерти бесишь.

Эти слова, словно нож под рёбра. Мысль о том, что Чжоу Янь его не любит, парализовала всё внутри Сюй Сяочжэня. Ему стало холодно до кончиков пальцев, только глаза налились жаром.

Чэнь Исунь провёл большим пальцем с жёсткой мозолью по уголку его глаза, будто любовался:

— Смотри-ка, заплакал. Первый раз передо мной, да? А ведь раньше таким упрямым был — даже зная, что шансов нет, дрался до последнего.

Слёзы были красивыми. Только вот все они — из-за Чжоу Яня. Как же жалко: пёс, который отчаянно виляет хвостом перед тем, кто его презирает.

К вечеру дождь утих, и Сюй Сяочжэнь, пошатываясь, наконец вышел из виллы. Вышел он не один: за ним следом выкатили катафалк — человек, что висел в гостиной, умер. Чэнь Исунь велел тихо вывезти тело и закопать до ночи.

Что происходило внутри эти несколько часов — он не помнил. Воспоминания смазаны кровью и ржавчиной — бесконечный запах, ввевшийся в кожу и память.

Чжоу Янь так и не дождался наказания за случившееся. Днём дома было душно, ночью — зябко, спал он плохо. Стоило отвлечься — и он уже забыл обо всём этом, снова дремал, склонившись над партой.

Когда закончились уроки и школьники начали расходиться, у ворот не оказалось ни следа той тени, что раньше кралась за ним. Обычно Сюй Сяочжэнь ждал его у выхода и шёл за ним, будто случайно.

Но Чжоу и не заметил его отсутствия. Он либо дома, либо в школе — всё равно, других мест у Сюя не было.

Сюй Сяочжэнь часто задерживался на занятиях. Не увидев его после уроков, Чжоу Янь просто пошёл домой.

Чжоу только ступил за порог школы, как к нему, будто мухи на сладкое, слетелись одноклассники. Те самые, что утром шарахались от него, будто он прокажённый за драку с Чэнь Исунем. А теперь — улыбаются, пыжятся:

— Янь-ге! Да мы давно хотели с тобой поближе познакомиться!

— Как ты ему врезал с утра — это было мощно! Он всем надоел уже!

— Можно с тобой заодно быть? Так сказать — поучиться у сильнейших!

— Да-да, мы уже давно слышали, что у тебя семья непростая, но чтобы вот так... Чэнь Исуня чуть не в порошок стёр, а они — ни звука в ответ. Вот это класс!

— Я же говорил: у Янь-ге родня — точно не простые смертные. Где уж Чэнь Исуню с ним тягаться. Его даже родной отец, говорят, бросил. Кстати, Янь-ге, ты из какого района?

Они облепили его со всех сторон — лепетали, лезли с вопросами, тёрли ладони в нетерпении, будто ждали разрешения кланяться.

Чжоу Янь вдруг что-то понял — будто по голове ударили молотом — звон в ушах, резкий укол в грудной клетке. Чжоу Янь оттолкнул одноклассников и рванул вперёд, рассекая толпу.

Будь он Гу Янь или Чжоу Янь — он всегда был одним и тем же: самоуверенным, хладнокровным, бесконечно контролирующим. Никогда не позволял себе терять лицо из-за кого бы то ни было. Но сейчас он бежал. Так быстро, как не бегал за все восемнадцать лет жизни.

Когда он влетел в дом и увидел Сюй Сяочжэня, сжавшегося в углу, его абсурдное подозрение стало реальностью.

Сюй Сяочжэнь сидел, обняв колени, уткнувшись лбом в руки. Услышав шаги, чуть приподнял голову. Увидев Чжоу Яня, глаза вспыхнули испуганной растерянностью — он резко вскочил:

— Я... я сейчас... поесть тебе приготовлю...

— Ты был у Чэнь Исуня? — голос Чжоу сорвался в глухой рык.

Он подскочил, как хищник к добыче, резко рванул ворот рубашки Сюя. И — да. На шее, в точке железы — свежий, болезненно алый след укуса. Кровь ещё не свернулась. И сердце Чжоу Яня будто провалилось в желудок.

Мысль о том, что между ними что-то было... тошнило. Но тошноту быстро вытеснила ярость.

Сюй — его. Первый омега, с кем он был. Даже если он сам презирал его, отталкивал — это его. И никто, никто не имеет права дотронуться.

— Ты был у Чэнь Исуня?! — голос взвился, эхом прокатился по всей улице.

— Зачем ты пошёл к нему?! У тебя мозги есть? Или совсем поехал?!

След на шее не зажил — болезненно алел. Сюй Сяочжэнь не понимал, почему и Чжоу Янь, и Чэнь Исунь укусили его в одно и то же место.

Он знал, что альфы и омеги имеют железы. Но не знал, *где именно* они находятся. Не знал, почему Чжоу Янь сразу проверил шею, будто точно знал, куда смотреть.

Если бы успел залечить — мог бы всё скрыть.

Но теперь, когда ложь раскроется мгновенно, отрицать было бесполезно. Он молча кивнул. Через несколько секунд вскинул голову, будто только что вспомнил нечто важное:

— Тебя не... не отчислили?

Огонь в груди Чжоу вспыхнул с новой силой — резкий, обжигающий. Кажется, в жизни не встречал никого глупее, чем Сюй Сяочжэнь!

— Да хоть бы и отчислили! Тебе-то какое, чёрт тебя дерит, дело?! — рявкнул он.

— Ты совсем е*нулся? Ещё сам к нему полез?!

— У тебя что, с головой не в порядке?! Плевать я хотел на эту сраную школу — ты понимаешь это, нет?!

— Ты вообще понимаешь человеческую речь? Мне не нужно, чтобы ты лез в мою жизнь, понял?! — закричал Чжоу Янь, голос сорвался на истерику.

Сюй Сяочжэнь тихо коснулся его руки, но тот сразу отдернулся, будто обжёгся. Сяочжэнь прикусил губу; глаза опухли до безобразия, как два ореха, но, несмотря на это, он выговорил твёрдо и серьёзно:

— Это важно. Важно, Чжоу Янь. Ты... ты сильный, способный. Ты не должен застрять в Восемнадцатом секторе на всю жизнь. Упасть легко, а вот подняться обратно — почти невозможно. Ты не можешь потерять свой шанс изменить всё... из-за меня.

Из-за него?

Он отдал себя Чэнь Исуню ради того, чтобы он, Чжоу Янь, остался в школе? Пошёл на это ради его будущего? Правда был готов ради этого на всё?

Глаза Чжоу расширились. Он смотрел на Сюя, не в силах найти хоть одно слово. Всё его нутро протестовало — это не укладывалось ни в одну привычную схему. Между людьми не бывает такой самоотдачи. Есть только расчёт, выгода, удобство. Так мир устроен. Он с детства знал: либо ты используешь, либо используют тебя.

Почему тогда Сюй...?

Если бы всё было наоборот, если бы Сяочжэнь сто раз падал перед ним, он бы лишь отшвырнул его с раздражением. Сказал бы — проваливай, не мешай. Как делал бы любой другой. Как поступил бы даже его отец, не будь он единственным сыном. Его бы просто ликвидировали.

Вдруг Сяочжэнь, будто вспомнив что-то, поспешно начал расстёгивать рубашку, лихорадочно цепляясь за пуговицы.

— Ничего не было, честно! Ты посмотри! Мы ничего не делали, правда!

Он уже тянулся к ремню, но Чжоу Янь резко остановил его, аккуратно накинул рубашку обратно. В глазах Сюя это выглядело как жест принятия, как прощение, как знак, что даже если что-то и случилось — это не изменит его отношения. Он разрыдался от облегчения и неожиданной, тупой благодарности, обхватил Чжоу за талию, прижался.

Но Чжоу не знал, что тот себе напридумывал. И в это не верил. Он слишком хорошо знал Чэнь Исуня, чтобы предполагать, будто тот просто укусил — и на этом остановился. Нет, у него не было ни малейших сомнений, что всё зашло куда дальше. Только вот... говорить это Сюю смысла не было. Потому что ему, Чжоу Яню, это вообще не должно было быть важно.

Он не собирался брать его в пару. Не собирался жить с ним. Жениться. Планировать общее будущее.

Так зачем тогда цепляться за детали?

Он повторял себе снова и снова: это неважно. Неважно. Не имеет значения.

Но внутри, в груди, всё горело. Эта ярость не отпускала, расплзалась по телу, как яд. Даже воздух вокруг стал каким-то другим — слишком плотным, слишком липким. И с каждой секундой становилось всё труднее себя сдерживать.

Он перестал пытаться.

Наклонился к укусу на шее — туда, где остались следы Чэня, — и вонзил зубы в ту же точку, с какой-то безумной злостью, почти жестокостью. Его собственный феромон вырвался наружу, впитался в кожу Сюя, перебил, вытеснил чужой след.

Он долго не поднимал головы. Только когда от тяжёлого дыхания немного отпустило, он медленно отстранился, слизнул кровь с чужой шеи. Сяочжэнь уже был без сознания.